

Московский университет, дело Кассо, лаборатория и коллоквиумы Лебедева и братья Вавиловы

<https://oralhistory.ru/talks/orh-144-145-146>

🗣️ 27 ноября 1970

Собеседник

Шпольский Эдуард Владимирович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 27 ноября 1970 и опубликована 10 марта 2023.

Введение

Беседа с физиком Эдуардом Шпольским посвящена истории образования и науки. Эдуард Владимирович вспоминает учебу в Воронежском реальном училище и особенности приема в вузы «реалистов» и «гимназистов», объясняет, почему стремился поступить именно в Московский университет. Он стал студентом в 1910 году и был свидетелем кризиса Московского университета в 1911 году, когда в результате политики министра просвещения Льва Кассо университет покинули выдающиеся профессора. Шпольский описывает, как опустел университет, как уволившиеся преподаватели перешли в Народный университет имени Шанявского и организовали Общество Московского научного института в память 19 февраля 1861 года. Значительная часть беседы посвящена рассказу о физической лаборатории Петра Лебедева и лебедевских коллоквиумах, где Шпольский работал под руководством Петра Лазарева и подружился с Сергеем Вавиловым. Эдуард Владимирович рассказывает о семье Вавиловых, описывает характер Сергея Вавилова и объясняет, почему было возможно назначение Сергея Вавилова президентом Академии наук после трагической смерти Николая Вавилова.

Беседа подготовлена и опубликована при поддержке БФСО «Дар» в рамках программы документирования истории образования в России.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Прошу вас, Эдуард Владимирович, расскажите... Начнем с некоторых сведений о вас.

Эдуард Владимирович Шпольский: Да, да. Так вот, я родился в Воронеже 11 сентября 1892 года по старому стилю. Вследствие ошибки, которую кто-то сделал — кто, я не помню, — 11 сентября старого стиля на новый было переведено неправильно, поэтому считается дата моего рождения 24 сентября.

В. Д.: А следует — 23-е.

Э. Ш.: А следует — 23-е.

В. Д.: Понятно.

О детстве и семье

Э. Ш.: Детство свое я помню очень хорошо, и можно было бы рассказать довольно много любопытных вещей, но для этого нужно много времени, поэтому я сегодня ограничусь самыми краткими воспоминаниями. Однако, все-таки яркое воспоминание в моей жизни следует мне вспомнить сейчас. Во-первых, важно то, что как раз момент или дату смены столетий я помню. Мне не исполнилось, правда, еще восьми лет, но я помню. Как раз под новый 1990-й год в моей семье для молодежи, — потом я немножко скажу, это, значит, мои две сестры и старший брат, у которых были свои приятели, — был устроен такой вечер, бал, если хотите, и поздравляли все, когда пробило двенадцать часов: «С Новым годом! С новым веком!» Вот это одно из воспоминаний. Так что я помню начало нынешнего века, а теперь ведь 1970 год.

В. Д.: Да.

Э. Ш.: Теперь несколько слов относительно жизни. Относительно семьи я могу сказать следующее. Отец мой был служащим на маслوبيном заводе «Лютерёв, Михайлов и Компания». Это я помню очень хорошо, но он, по-видимому, — просто-напросто я никогда не интересовался, — был представителем крупного предприятия, поэтому он больше жил в Петербурге, чем в Воронеже, а приезжал в Воронеж скорее как гость, во всяком случае, на моей памяти. А умер он рано, в 902-м году, по-моему, когда мне было...

В. Д.: Около десяти лет вам было.

Э. Ш.: Около десяти лет мне было. Семья в то время состояла из старшего брата, который был на двенадцать лет старше меня, в год смерти отца он уже был студентом... Старший брат Александр Владимирович (его сын Вадим Александрович, подполковник, сейчас чуть ли не единственный человек, носящий мою фамилию и мой родственник; по-моему, больше родственников нет, носящих мою фамилию), сестра Евгения Владимировна, которая скончалась, Лидия Владимировна, следующая за ней, которая тоже скончалась, я и, наконец, младшая сестра. То есть вскоре после смерти отца родилась самая младшая сестра. Так что, видите, пять человек семья была. Главным образом, конечно, помню старших.

В. Д.: Понятно.

О дворянской семье соседей

Э. Ш.: Теперь, что интересно и что, по-моему, стоит отметить, во всяком случае, для меня это интересно. Жили мы в Воронеже на улице такой, ну, она не очень захолустная... Вообще, надо было бы описать, что представлял собой Воронеж в то время. Там была верхняя часть, главная часть города, и затем спуски вниз к реке, и дальше там река, поля и так далее. Значит, дом, где мы жили, в его главной... Там несколько было флигелей, как говорилось тогда, но мы жили в главной его части, выходящей на улицу, двухэтажный дом. В нижнем этаже жила моя семья. Квартира была большая, шесть комнат, а наверху такая же квартира, которую занимало семейство, очень интересное в нынешнее время с точки зрения истории. Глава этого семейства — Гавриил Александрович Богомолов, гвардии поручик в отставке. Его жена — Варвара Юрьевна Богомолова, урожденная Шеншина.

В. Д.: Интересно.

Э. Ш.: Да. У нее были визитные карточки с короной, и везде было написано: «Варвара Юрьевна Богомолова, урожденная Шеншина». Они были помещики, естественно, в Покровском уезде. Гавриил Александрович был одно время уездным предводителем дворянства. Семья состояла из двух молодых людей, мальчиков, которые учились в кадетском корпусе и приходили только по субботам, когда тут разгоралось веселье в наших двух семьях, в первом и во втором этаже, первый и второй этаж объединялись, и младшей дочери Лизы, которая была в большой дружбе с моей сестрой Лидой. Собственно, Лидя почти всегда жила у них летом в имении. Мы вообще были в дружеских отношениях, и я наверху у них бывал постоянно, набивал папиросы Варваре Юрьевне. Их гувернантка, когда мне исполнилось десять лет, решила, что пора меня начинать учить французскому языку. Почему я все это говорю? Эта семья — типичнейшая дворянская семья. Поэтому, когда я читаю и перечитываю «Войну и мир», скажем, читаю о Николае Ростове... А как правильно: Ростов или Рóстов?

В. Д.: Ростов.

Э. Ш.: Я раньше говорил Рóстов.

В. Д.: Нет, всегда был Ростов.

Э. Ш.: Так вот, Николай Ростов мне страшно напоминает Боря Богомолова, который по окончании военного училища вышел в конногвардейский полк. Одним словом, типичная дворянская семья, поэтому весь этот быт дворянский, хотя мы вовсе не были дворянами, мне был известен очень хорошо, и до сих пор я его помню, поэтому очень ясно себе все это представляю.

В. Д.: А вот мать, урожденная Шеншина, была в родстве с Фетом?

Э. Ш.: Вы знаете, я это не выяснял. Я думаю, что да, но почему бы ей... Ведь Феты вовсе не были такой дворянской семьей знаменитой, чтобы гордиться тем, что урожденная Шеншина. Ну, я дальше не буду рассказывать об этом. Воспоминания прекрасные, потому что территория, так сказать, на которой мы жили, где было несколько небольших флигелей, кроме того, огромный двор, заросший травой... Когда-то это было, вероятно, что-то вроде пригородного поместья, потому что был каретный сарай и все, что полагается в таких домах.

В. Д.: Значит, вы не дворянин, но помните, так сказать, остатки дворянского гнезда?

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Это, конечно, интересно.

Учеба в Воронежском реальном училище

Э. Ш.: Вот так. Ну, брат мой старший учился в реальном училище.

В. Д.: А вы?

Э. Ш.: И я тоже. Мать меня отдала в реальное училище, и я этим очень доволен. Реальные училища вообще, надо сказать, в то время, когда я учился в средней школе, в частности, Воронежское реальное училище (потом оно называлось Воронежское первое реальное училище) — они представляли собой серьезные, хорошие средние учебные заведения.

В. Д.: Это казенные или частные были тогда?

Э. Ш.: Казенные.

В. Д.: Это 900-е годы, да?

Э. Ш.: Да, 900-е годы. Ну, преподавание математики и естествознания на высоком уровне стояло, но и преподавание русского языка, например, в младших классах было превосходно поставлено, может быть, потому что были такие преподаватели. Вообще, все преподаватели того времени, как я вижу, — по-нынешнему профессора.

В. Д.: Правильно. Правильно, но, понимаете, тут все дело в том, что на весь Воронеж было два реальных училища.

Э. Ш.: Да. Понятно.

В. Д.: Когда расширилась база в 30-х годах, это привело, конечно, к страшному падению среднего уровня учителя. Потом он постепенно стал подниматься. Сейчас он, конечно, выше, чем в начале 30-х годов, но он еще не достиг того уровня, который был характерен для столичных и губернских гимназий и реальных училищ.

Воронежское реальное училище

Э. Ш.: Да. Реальное училище в Воронеже... Вот я начал говорить — значит, русский язык и литература. В то время появились учебники Сикорского. Вы, наверно, их знаете.

В. Д.: Хорошие учебники. Знаю.

Э. Ш.: Очень хорошие учебники. Соответственно, преподавание литературы тоже было поставлено. А надо вам сказать, что — знаете, из «Фауста» «Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust», «Две души в моей груди живут» — я очень склонен к гуманитарным наукам.

В. Д.: Ну, вот видите.

Э. Ш.: Одним словом, в детстве, в юности очень много читал...

В. Д.: Писали стихи, наверно.

Э. Ш.: Да нет, стихи, представьте себе, стихи не писал. Может быть, останавливало именно увлечение параллельное математикой и астрономией, а потом физикой. Во всяком случае, историей, литературой я всегда интересовался. Надо сказать, в пятом классе, значит, по тогдашнему счету пятнадцати лет, я впервые прочел «Былое и думы». Оно произвело на меня такое потрясающее впечатление, что я просто до сих пор это помню. Потом все-таки интересы математические и всех математических наук взяли верх, тем не менее все, что относилось к истории русской интеллигенции старой, — все меня чрезвычайно интересовало. Вообще-то, я библиофилом очень рано сделался, и в моей библиотеке было все интересное. В частности, на меня произвела впечатление книга Гершензона «История молодой России». Это отдельные очерки...

В. Д.: Знаю.

Э. Ш.: Я просто узнал о некоторых людях, о которых, кстати, сейчас мало знают, например, Печерин, который сделался католическим монахом.

В. Д.: А другие книжки Гершензона вы потом не читали?

Э. Ш.: Ну, как же. Что?

В. Д.: О Пушкине.

Э. Ш.: Да, Пушкин, да.

В. Д.: Читали «Мудрость Пушкина»?

Э. Ш.: Это я не читал, но у меня есть его... Как это называется? Ах, боже мой! Одним словом, «Этюды о западной...»

В. Д.: «...литературе»?

Э. Ш.: Да, что-то такое.

В. Д.: Я тоже точно не помню названия.

Э. Ш.: Да. Словом, все-таки вот такой интерес к гуманитарным наукам все время сохранялся у меня. Кроме того, я как раз рос в то время, уже потом, это вот именно в школьные-то годы, так сказать, когда итоги 905-го года сказывались, а они были очень существенными. В Воронеже был Народный университет, куда приезжали приглашенные люди и читали курсы. В частности, Коган Петр Семенович приезжал, читал курс западной литературы, который на меня произвел большое впечатление.

В. Д.: Он хорошо говорил, я его слушал в университете у нас.

Э. Ш.: Да. Ну вот, словом...

В. Д.: Значит, Петр Семенович Коган читал лекции в Воронеже для Народного университета или как?..

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Для Народного университета, то есть открытые, да?

Э. Ш.: Да, открытые лекции. Они устраивались обществом, я не знаю, словом...

В. Д.: Ну, каким-то обществом.

Э. Ш.: Да, Народный университет, в Народном доме, в котором был хороший театральный зал. Он просто цикл прочел, я не помню, пять или шесть лекций, и ухитрился сказать очень многое. Вот. Ну, затем, дальше...

В. Д.: Это, простите, вы вспоминаете уже после 5-го года?

Э. Ш.: После 5-го года, естественно, потому что...

В. Д.: Вы кончили реальное когда?

Э. Ш.: В 10-м году.

В. Д.: Реальное в 10-м?

Э. Ш.: Да. В реальном — семь классов.

В. Д.: Да, восемнадцати лет, правильно.

Условия приема в вузы гимназистов и реалистов

Э. Ш.: Семнадцати лет. Теперь, значит, по мере приближения к концу, так сказать, выяснялось для меня самого, что же я буду делать дальше. Естественно, конечно, что я должен поступить в высшее учебное заведение, но в какое? Этот вопрос я решил сам настолько быстро, что я даже и не заметил, как я, собственно, его решил. Я решил, что я поступлю в университет, хотя большинство моих товарищей поступали в высшие технические учебные заведения и в седьмом классе ко мне относились с легкой иронией: «Вот ты так прекрасно кончишь реальное училище, ты даже можешь поступить в Петербургский политехнический институт без экзамена (там на один из факультетов, я не помню, какой, принимали без конкурсного экзамена по конкурсу аттестатов), а ты зачем-то поступаешь в университет».

В. Д.: А вот это любопытно: значит, у молодежи, кончавшей школу в 910-м году, высшая техническая школа имела, так сказать, больший престиж, чем университет?

Э. Ш.: Это у реалистов.

В. Д.: Ах, ну да, да.

Э. Ш.: У реалистов. А у гимназистов...

В. Д.: У гимназистов был университет.

Э. Ш.: У гимназистов этого не было. Надо сказать, что гимназисты, в частности, Воронежской гимназии, — они все были очень развитыми молодыми людьми, как полагается получившим гуманитарное образование. Для них, собственно, только в виде исключения дорога, так сказать, представлялась привлекательной в высшие технические учебные заведения.

В. Д.: А мог гимназист поступить в высшее...

Э. Ш.: Конечно.

В. Д.: В ВТУ, МГТУ, скажем, мог поступить?

Э. Ш.: Конечно, конечно.

В. Д.: Просто это экзамен.

Э. Ш.: Конкурсный экзамен. В университеты принимали по конкурсу аттестатов, приемных экзаменов в университеты не было.

В. Д.: Ах вот как!

Э. Ш.: Да-да. А в высшие технические учебные заведения был конкурсный экзамен, причем эти экзамены были очень свирепыми ввиду того, что масса желающих была. Кстати сказать, по-видимому, физический факультет Московского университета в этом году и в последние годы перецегалял, потому что там...

В. Д.: Вот сейчас вот?

Э. Ш.: Да. Чрезмерно трудные задачи давали, требования более суровые.

В. Д.: Перегнули, да?

Э. Ш.: Да-да. Ну, это неважно. Во всяком случае, в университеты поступали по конкурсу аттестатов. В высшие технические учебные заведения — по конкурсным экзаменам, за исключением, вот я не помню, каких факультетов Петербургского политехнического института, который был организован Витте. Там был, между прочим, экономический факультет. Это свидетельствует о...

В. Д.: Очень передовых...

Э. Ш.: Да. Нет, кроме того, Витте понимал, что...

В. Д.: Интересы капиталистического хозяйства.

Э. Ш.: Вот именно. Затем были там электромеханический факультет, кораблестроительный и так далее. На который-то из этих факультетов реалистов принимали без экзамена, тоже по конкурсу аттестатов.

В. Д.: А реалист в университет тоже должен был держать экзамен?

Э. Ш.: Да. Видите ли, еще в начале 900-х годов очень жестко подходили к приему реалистов в университеты. Ну, я не уверен в том, что это было после 1900-го года, но вначале требовался просто аттестат зрелости, то есть окончание или экстерном...

В. Д.: Средней школы.

Э. Ш.: Не средней школы вообще, а именно гимназии с двумя древними языками — латинским и греческим. Затем требования были понижены, и требовалось в дополнение к аттестату реального училища сдать экзамен по латинскому языку. И я должен был пройти через вот это, так сказать, горнило.

Подготовка к экзамену по латинскому языку

Вот я сейчас улыбаюсь, потому что как раз в последние дни совершенно неожиданно мне пришлось ясно вспомнить это время и мою подготовку к экзамену по латинскому языку. Я учился в реальном училище. Учение, так сказать, официально необходимое для меня не представляло никаких трудностей. Я имел время для своих увлечений и чтением, и астрономией, и физикой, но...

В. Д.: Никаких репетиторов у вас не было?

Э. Ш.: Нет, я сам был репетитором, с четвертого класса я давал уже... Отца не было, поэтому нужно было. Я с четвертого класса имел уроки и при этом очень недурно зарабатывал. Деньги эти я все отдавал матери. Она оставляла мне небольшое количество. Главным образом я [покупал] книги. У меня небольшая библиотека уже в то время была.

Значит, мне нужно было подготовиться к экзамену по латинскому языку для поступления в университет. И вот любопытное обстоятельство следующее: в качестве преподавателя мне рекомендовали преподавателя духовной семинарии — Антон Григорьевич Боррэс. Фамилия довольно странная. Я думаю, что она немецкая, потому что через два «р» и «э», но это, в общем, неважно. Он был преподавателем духовной семинарии и очень хорошим преподавателем. Вот он со мной занимался. Я вспомнил об этом потому, что на днях в связи с тем, что я получил эту государственную премию, было бесконечное количество звонков. В том числе позвонила женщина, которая мне сказала: «Ну, вы, конечно, узнать меня не можете, а я вам скажу, кто я такая. Мир, вообще, очень тесен. Я дочь Антона Григорьевича Боррэса. Помните вы его?» Я говорю: «Ну еще бы! Я помню прекрасно всю обстановку вашу, как мы сидели за столом с ним и занимались латинским языком». В общем, надо сказать, что у меня вообще филологические способности хорошие, так что я без особого труда...

В. Д.: Овладели латынью.

Э. Ш.: Да, так сказать, одолел латынь, и настолько, что на экзамене, который я держал при Воронежской второй гимназии, — уж не помню, почему я выбрал вторую гимназию, — я получил четыре с плюсом. Законно, все как полагается: Цезарь à vivre ouvert¹, Тит Ливий, Горацій, — одним словом, авторы... Все-таки большое гуманитарное образование давала средняя школа.

¹ Без подготовки, с листа (франц.).

В. Д.: Гимназия давала, так сказать, общее филологическое образование больше, чем сейчас филологический факультет.

Э. Ш.: По-моему, тоже. Ну, так или иначе...

В. Д.: Я уже латынь прилично никогда не знал, хотя сдавал, но это уже было настолько слабо...

Э. Ш.: А вот, видите, я когда шел...

В. Д.: Пролетарское студенчество в 20-х годах настолько это презирало, что положение бедного Гвоздева, который у нас преподавал... Я уже потом, через много лет, узнал, что это крупный ученый, а он просто нам дирижировал, и мы склоняли: ато, амас, ама² и так далее, как в гимназии. И экзаменов не было, а были только зачеты. Вообще, какому-нибудь, так сказать, деятелю студенческому поставить незачет было трудно.

Э. Ш.: Да. Когда я шел на экзамен по латинскому языку, то я думал: «Вот я иду на экзамен, но ведь сколько же я им занимался?» Надо сказать, что действительно серьезно занимался им я только месяца за два перед экзаменом, а так я сравнительно легко... Единственно, только Тит Ливий — это очень трудный...

² Склонение глагола «любить».

Естественный факультет Московского университета

В. Д.: Словом, вы попали туда, куда хотели?

Э. Ш.: Попал, куда хотел.

В. Д.: На какой же вы факультет в Императорском Московском университете?

Э. Ш.: Императорский Московский университет, физико-математический факультет.

В. Д.: В каком же году?

Э. Ш.: В 1900-м году, в год окончания.

В. Д.: Нет, что вы говорите, как в 900-м, что вы?

Э. Ш.: Я сказал 900-м?

В. Д.: Да.

Э. Ш.: В 1910-м году.

В. Д.: Вы поступили на... Как это называлось тогда? Факультет естествознания?

Э. Ш.: Видите, полное название совершенно не соответствовало действительности. Полное название было такое: естественный факультет, физико-математическое отделение, и другое отделение — естественное отделение. На самом деле это были разные факультеты: физико-математический (физического факультета не было) и естественный факультет, где преподавалась в большом объеме также химия. Химики, которые собирались заниматься наукой, учились именно на естественном факультете.

В. Д.: Значит, так сказать, две стороны — естественное и физико-математическое, до революции все называлось естественным, и было математическое отделение, а потом тот же самый факультет стал называться физико-математическим, физмат, а естественное было отделением физмата.

Э. Ш.: Да.

В. Д.: А уж потом во время бубновской³ реформы в 30-м году их разделили. А в 20-х годах было только — физмат, ФОН,

медицинский — три факультета.

Э. Ш.: Вот это я не помню почему-то. Видите, для меня вообще существовал... Я преподавал в университете с 1918 года...

³ Андрей Сергеевич Бубнов, второй нарком просвещения РСФСР.

Студенческие сходки после статьи Трубецкого

В. Д.: Да. Ну, вернемся к 10-му году. Здесь очень интересно, тут мы, так сказать, подходим к моменту... Это связано с вашей юностью, но имеет, безусловно, общее значение: это то, что вы застали университет вскоре после вот этого большого инцидента — ухода...

Э. Ш.: Нет, до этого.

В. Д.: До этого?

Э. Ш.: До этого. Когда я поступил в университет, то среди студенчества уже было большое такое брожение. Между прочим, возник некий инцидент, который, вероятно, в другое время бы прошел незаметно, а тут он дал очень большой резонанс. Дело в том, что Евгений Трубецкой, который был профессором философии права в Московском университете, написал какую-то статью — какую именно, я не помню, — которая была напечатана в «Русских ведомостях», известная профессорская газета. Эта статья очень обидела студентов, но она скорее была, знаете, такой спичкой, которая была брошена...

В. Д.: Это когда же? Евгений или Сергей Трубецкой?

Э. Ш.: Нет! Сергей умер...

В. Д.: В 905-м году, 904-м.

Э. Ш.: Да-да, это Евгений.

В. Д.: Это Евгений, его брат.

Э. Ш.: Его брат, да, младший брат.

В. Д.: Младший, да. Сергей был философ...

Э. Ш.: Древняя философия, да.

В. Д.: А Евгений — философия права.

Э. Ш.: Да, философия права. И вот эта статья Евгения Трубецкого страшно взволновала студентов, особенно юристов. Математики, физики, естественники относились к этому довольно равнодушно, а юристы страшно волновались. И возникли сходки — то, что именно тогда называлось сходкой, а теперь это называется митингами. Между прочим, это продолжалось несколько дней, и на каждой из сходок Трубецкой выступал с объяснениями. А затем это брожение все усиливалось, и кончилось оно известной трагической историей.

Отрывок из воспоминания профессора Кравеца о студенческих волнениях

Для того чтобы быть точным... Я все это пережил, но вот Кравец, профессор, очень хорошо это описал, и будет полезно, если я кусочек прочту из этого...

В. Д.: Пожалуйста.

Э. Ш.: «В самом начале 1911 года...» — значит, уже...

В. Д.: Вы уже были студентом.

Э. Ш.: Я был студентом, но еще молодым студентом. «В самом начале 1911 года Министерство народного просвещения разослало по высшим учебным заведениям своего ведомства циркуляр, предлагавший президиумам этих заведений принимать самые энергичные меры против назревавших студенческих волнений, или, как их тогда называли, беспорядков. В частности, президиумам предписывалось при первых же сходках студентов вызывать на помощь полицию. Президиум Московского университета, ректор А. А. (Александр Аполлонович) Мануилов...»

В. Д.: Мануйлов.

Э. Ш.: Он свою фамилию писал и читал Мануилов, а не Мануйлов.

В. Д.: Да-да, Мануилов.

Э. Ш.: «...Мануилов, проректор Минаков, это судебная медицина, и помощник ректора Мензбир, зоология».

В. Д.: А Мануилов был...

Э. Ш.: Политическая экономия.

В. Д.: Политэкономия, да. Я его помню.

Э. Ш.: Ныне, конечно, все уже покойники.

В. Д.: Вы знаете, что Мануилов был потом министр просвещения при Керенском?

Э. Ш.: Да, конечно, да.

В. Д.: А умер не только советским гражданином, но директором Госбанка.

Э. Ш.: Мануилов разве был директор? Вполне возможно.

В. Д.: Да, его во время нэпа... Он умер году в 27-м на очень ответственном советском посту, его очень ценили. Это был высококультурный человек.

Э. Ш.: Да. Кроме того, я знаю, что мой двоюродный брат, например, кончал юридический факультет, и он говорил, что студент, который приходил...

В. Д.: Бельмо на глазу было, я помню.

Э. Ш.: Разве? Что-то не помню, но это не так важно. Он говорил, мой двоюродный брат, что студент, который приходил к Мануилову на экзамен, и выяснялось, что он не читал Маркса, должен был удаляться. Это было обязательным требованием, так что в какой-то степени... Я не знаю, он был марксистом или нет, во всяком случае...

В. Д.: Нет, он был таким, конечно, классическим...

Э. Ш.: Да, политэкономом.

В. Д.: Да.

Э. Ш.: Так вот, значит, циркуляр о вызове на помощь полиции этот президиум Московского университета «счел нарушением университетской автономии, которая вверяла все заботы о поддержании порядка в университете работникам самого университета, и в таком духе составил доклад совету университета».

В. Д.: Значит, Мануилов и Мензбир возражали против привлечения полиции?

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Или подписали, наоборот?

Э. Ш.: Нет, нет.

В. Д.: Подписали протест, так сказать?

Э. Ш.: Подписали... Да, они доложили совету...

В. Д.: ...что это нарушение автономии.

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Интересно.

Э. Ш.: Значит, написали протест. «Совет с основаниями доклада, который сделал президиум университета, согласился и уполномочил ректора на соответственные действия. При последовавшей сходке ректор отказался от услуг полиции. Тогда министр распорядился отстранить всех трех членов президиума от их должностей. Распоряжение это вызвало в университете бурю протеста. Многие члены, голосовавшие за предоставление президиуму полномочия не подчиняться незаконному распоряжению министерства, сочли себя наравне с президиумом ответственными за все последствия и подали в отставку». Ну и дальше эта известная история, как, в сущности говоря...

Лев Аристидович Кассо

В. Д.: Вот это расскажите здесь. Это интересно.

Э. Ш.: Что именно? Какие стороны?

В. Д.: Да, значит, это министерство Кассо? Министр был Кассо тогда?

Э. Ш.: Да, да. Кассо был министром административного права, или полицейского права, был такой предмет. Ну, это понятно.

В. Д.: Профессором.

Э. Ш.: Был профессором, и вместе с тем был профессором лицея, это такой...

В. Д.: Лицея какого? Цесаревича Николая?

Э. Ш.: Лицея цесаревича Николая.

В. Д.: Где потом Институт красной профессуры помещался.

Э. Ш.: Да-да-да. Он, так сказать, вращался в соответствующих аристократических кругах и поэтому был одним из возможных кандидатов всегда на пост министра. Я очень хорошо помню, что, когда его назначили, а это было в самом начале моего пребывания в университете, в 910-м году, была такая витрина, куда профессора, если они не могли читать лекцию, накалывали записочки, и была записочка: «Профессор Кассо на этой неделе лекций читать не будет». Его вызвали в Петербург, и он сделался министром, и сразу, так сказать, закрутил...

В. Д.: Зажимать стал.

Министр народного просвещения Л. А.Кассо. 1913. Фотография ателье Буллы

Об уволившихся и оставшихся профессорах Московского университета

Э. Ш.: Да, начал зажимать. Значит, в результате этого события... Ведь он не только... Мануилов, Мензбир и Минаков подали в отставку как члены президиума университета, а он распорядился удовлетворить заявление об отставке с причислением по Министерству народного просвещения, то есть другими словами...

В. Д.: Уволить из университета совсем.

Э. Ш.: Да, он их просто уволил из университета. Вот это-то как раз вызвало страшное возмущение, и один за другим все крупные профессора покинули университет. Университет совершенно опустел.

В. Д.: Это касалось и физических, и математических наук?

Э. Ш.: Да, да.

В. Д.: Назовите фамилии, кого вы помните, кто тогда ушел по вашей части.

Э. Ш.: Из физиков прежде всего Лебедев ушел.

В. Д.: Вот П. П. — Петр Петрович?

Э. Ш.: Нет, Петр Николаевич. Да, Лебедев ушел, ушел и Умов. У него там...

В. Д.: Д. Умов, наверно. Кажется, Дмитрий.

Э. Ш.: Нет-нет, Николай Алексеевич Умов. Было три профессора физики основных — это Умов, Соколов Алексей Петрович и Лебедев.

В. Д.: Вот это ваши учителя были?

Э. Ш.: Нет, они...

В. Д.: Они до вас.

Э. Ш.: Да. Они чередовались, и в то время, когда я был на первом курсе, то этот общий курс физики читал Умов, так что я слушал Умова. В сущности, я поступал-то в Московский университет, уже зная о Лебедеве, о лебедевской школе, именно поэтому стремился в Москву. Вообще говоря, мне надо было бы поступать в Харьковский университет, по учебному округу, такое правило было. В первую очередь принимали именно окончивших среднее учебное заведение в своем округе, а остальных уже, так сказать, потом, но меня приняли сразу в Московский университет. Я вижу, что я очень много...

В. Д.: Да, вы немножко так растекаетесь, но надо... Вот вы сейчас пришли к университету — давайте вокруг университета в основном и будем держаться, потому что, так сказать, история университета нас, конечно, особо интересует.

Э. Ш.: Да, да.

В. Д.: Кстати сказать, к двухсотлетию она была отмечена в изданиях чрезвычайно казенного характера, очень мало там было...

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Помните? Это был 52-й, что ли, год.

Э. Ш.: Да, что-то в этом роде.

В. Д.: Да, и это парадно очень, а, собственно, реальной истории университета — тогда писали и по плану, по месяцам — она очень мало написана...

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Мы сейчас ее, конечно, с вами не пишем, но материал для будущей истории университета очень нужен. Как старейший и студент, и профессор университета вы тут можете, конечно, очень много сказать.

Э. Ш.: Так вот, видите, я все это помню очень хорошо, не буду...

В. Д.: Простите, я задал вам вопрос относительно того, кто ушел. Значит, ушли и Лебедев, и Умов.

Э. Ш.: И Лебедев, и Умов. Остался Соколов. Остался Соколов, кроме того...

В. Д.: Математики.

Э. Ш.: Нет, теперь с физикой прежде всего. Значит, из трех основных профессоров остался только один Соколов, но вместе с тем был приглашен уже совсем не молодой человек Станкевич. Очевидно, из той семьи Станкевичей, которая известна была в истории русской интеллигенции. Это был человек, который когда-то после окончания университета был оставлен при университете, затем был в заграничной командировке, написал (по всей вероятности, по лекциям кого-нибудь из больших профессоров, которые он слышал) монографию по кинетической теории газов, а затем вообще отошел от какой бы то ни было деятельности научной или педагогической, где-то жил в своем имении и занимался земской деятельностью.

В. Д.: Ага.

Э. Ш.: Вообще говоря, какие-то неясные слухи о его физиономии, так сказать, общественно-политической были, и, по недоразумению, считали, что это вот профессор — земский начальник, но в действительности он не был земским начальником, а просто был земским деятелем.

В. Д.: Это противоположная вещь.

Э. Ш.: Да, вещи противоположные.

В. Д.: Земский начальник — это полиция, а земский деятель — это, так сказать, реформы Александра II.

Э. Ш.: Да-да. Он был, конечно, таким консервативным деятелем, во всяком случае, конечно, не был земским начальником. Но самое важное то, что физику-то он уже забыл совсем, а ему нужно было читать серьезные курсы. Значит, прежде всего, этот общий курс физики большой, потом из теоретической физики обязательно был курс теории электромагнитного поля. И вот это все он должен был читать, и читал, надо сказать, плохо.

Вообще, университет совершенно опустел. Из молодых людей, из учеников Лебедева остался в университете только один — это Константин Павлович Яковлев, который, по-моему, жив и до сих пор, несмотря на то, что, вероятно, в очень преклонном возрасте. Он на этом решил сделать карьеру, и действительно сделал карьеру очень быстро. Он в момент ухода был, вероятно, ассистентом, очень быстро стал приват-доцентом, стал читать обязательный курс, читал его необыкновенно скучно и плохо, и таким образом сделал карьеру. А основное-то ядро, так сказать, гордость университета, все эти профессора ушли, прежде всего ушел и Лебедев.

Профессора Московского университета. Москва, 1911

Петр Николаевич Лебедев

Вот теперь у меня вопрос относительно ухода Лебедева, университета Шанявского и последующего — вас это интересует?

В. Д.: Понимаете, вы выбирайте то, что как раз интересно с точки зрения общественной истории нашей науки. Я думаю, что это, конечно, нужно.

Э. Ш.: Да. Значит, дело обстояло таким образом, что для Лебедева, который приобрел мировую славу своими замечательными работами по световому давлению и по коротким электромагнитным волнам, одним словом, приобрел очень большой мировой авторитет, для Лебедева уход из университета был трагическим событием. Когда-то он был состоятельным человеком, но уже от состояния его почти ничего не оставалось, и ему пришлось решать вопрос о том, оставаться ли в университете, в котором была его лаборатория, и материальное обеспечение, и даже квартира, или, так сказать, как гражданину, как русскому интеллигенту прогрессивному уйти. Он решил ее именно в последнем смысле: он ушел из университета вместе с другими.

И вот теперь очень интересный вопрос, который в истории очень мало освещен, насколько я знаю, — это вопрос об университете Шанявского и его роли. Если вам это интересно, я могу вам...

В. Д.: Я думаю, что да. Понимаете, я ощущую в этом иду, но, поскольку я понимаю... Ведь это же имеет прямое отношение не только к истории науки, но как раз к истории ученых.

Э. Ш.: Да-да, совершенно верно.

В. Д.: Тем более, поскольку это связано с таким именем, как Лебедев.

Э. Ш.: Да. Так вот, видите, значит...

В. Д.: Вы лично все-таки застали Лебедева? Вы его знали?

Э. Ш.: Я Лебедева застал. У него была грудная жаба, поэтому он часто пропускал лекции, но я знал его. То есть в каком смысле? Я был один раз на его лекции. Мне интересно было послушать, как он читает, и как раз неудачная лекция была, в том смысле, что начало курса оптики, малоинтересно, и он, видимо, скучал очень. Затем я его видел уже после ухода из университета на одном из коллоквиумов знаменитых лебедевских, которые он организовал. Он представлял собой такой центр, вокруг которого группировались все физики, занимавшиеся наукой.

В. Д.: Что это за лебедевские коллоквиумы?

Э. Ш.: Это то, что теперь называется семинарами. Это еженедельно собирались...

В. Д.: Для студентов?

Э. Ш.: Нет-нет, это профессора, приват-доценты, оставленные при университете, словом, ученые.

В. Д.: Ученые.

Э. Ш.: Ученые, в том числе и студенты. Со второго курса обычно уже все начинали посещать эти коллоквиумы, которые проходили в университете и были организованы Лебедевым, а после ухода из университета именно в университете Шанявского.

Петр Николаевич Лебедев

Университет Шанявского и лаборатории Лебедева

В. Д.: Значит, когда Лебедев ушел, его пригласили в университет Шанявского?

Э. Ш.: Да, но это тут даже... Видите, вообще...

В. Д.: Университет Шанявского был учебным заведением, существовавшим на частные пожертвования.

Э. Ш.: Да, генерал Шанявский оставил крупное состояние на создание вольного университета, который должен был иметь два отделения: академическое и научно-популярное. Академическое отделение сыграло очень большую роль именно в этот момент из-за вот этого события — ухода профессоров из Московского университета. Все профессора, которые ушли из Императорского Московского университета, автоматически перешли в университет Шанявского. Университет Шанявского в тот момент находился на Волхонке — Волхонка, 14.

В. Д.: А! Где потом Коммунистическая академия была.

Э. Ш.: Была Коммунистическая академия, затем отделение общественных наук Академии наук.

В. Д.: Этот дом и сейчас занят Академией.

Э. Ш.: Он и сейчас занят Академией наук. Значит, вначале он помещался именно в этом старом таком... Это Голицыных, по-моему, особняк.

В. Д.: Да, он тогда еще был двухэтажный, а потом его надстроили.

Э. Ш.: Да-да. Значит, а потом, уже приблизительно в 1912 году на Миусской площади было выстроено прекрасное здание, которое теперь занимает университет...

В. Д.: Имени Свердлова?

Э. Ш.: Да-да, имени Свердлова.

В. Д.: Или Высшая партийная школа, какой-то из партийных...

Э. Ш.: Высшая партийная школа. Великолепное здание, с аудиториями прекрасными, лабораториями и так далее.

Московский городской народный университет имени А. Л. Шанявского. Москва, Миусская площадь, 6. 1912 г.

Лебедев же, с одной стороны, конечно, был приглашен именно туда, вернее, для него при университете Шанявского создали лабораторию. Эта лаборатория помещалась в цокольном этаже в двух квартирах в переулке, который тогда назывался Мертвым, а теперь называется Островским...

В. Д.: Где Дом ученых. В каких же домах? Я этот переулочок...

Э. Ш.: Мертвый, 20.

В. Д.: А, это уже туда, к Левшинскому переулку.

Э. Ш.: Да-да, это как раз совсем уже около церкви Успения на Могильцах, только с правой стороны, если идти от Кропоткинской.

В. Д.: Да, рядом с тем домом, который в 30-х годах построили, и где как раз Островский-то и умер. Там мемориальная доска, а рядом вот это дом, очевидно, дом 20.

Э. Ш.: Дом 20.

В. Д.: Доходный дом, в него прямо упирается Левшинский.

Э. Ш.: Совершенно верно.

В. Д.: Я в этом доме очень много бывал. Я только никогда не знал, что там... Значит, там была квартира?

Э. Ш.: Видите, Лебедев там поселился, там же поселился...

В. Д.: Внизу?

Э. Ш.: Нет. Не помню, примерно на третьем...

В. Д.: Лаборатория...

Э. Ш.: Там же была и лаборатория, под лабораторию были использованы две квартиры в цокольном этаже, справа и слева. А Лебедев жил выше. Там же жил и его любимый ученик Лазарев Петр Петрович, который по образованию был врачом, до того как стал физиком, врачом по специальности уха, горла и носа, но тем не менее Лебедев больше всего доверял ему. Он недолго прожил, он был в тяжелом очень состоянии из-за своей болезни сердца...

В. Д.: Кто — Лебедев или Лазарев?

Э. Ш.: Лебедев, да. И в марте 1912 года он умер.

В. Д.: А Лазарев был уже советским академиком.

Э. Ш.: А Лазарев потом стал советским академиком.

В. Д.: Да, уже потом.

Э. Ш.: Значит, лаборатории эти были созданы на средства так называемого Леденцовского общества.

В. Д.: Леденцовского? Вот этого я никогда не слышал.

Э. Ш.: Леденцовское общество. Это были Леденцовы, богатые очень люди, которые, по чьему-то совету, я сейчас точно не помню, создали большой фонд для помощи ученым и изобретателям, которые нуждались в материальной помощи

и заслуживали этой поддержки.

В. Д.: А кто это распределял?

Э. Ш.: А это был особый комитет, председателем которого был как раз профессор Умов. Так что это был очень авторитетный...

В. Д.: Это очень авторитетный.

Э. Ш.: Да-да, очень авторитетный.

В. Д.: Это такая, так сказать, Нобелевская премия в московском масштабе, да?

Э. Ш.: Ну, вроде этого. Размер ее, правда, значительно меньше Нобелевской. Лебедев получил именно на устройство лаборатории что-то тысяч пятнадцать, по всей вероятности, и вот там была...

В. Д.: Тысяч пятнадцать — это в то время серьезная сумма.

Э. Ш.: И надо было лабораторию создавать. Там была создана лаборатория, после смерти Лебедева она некоторое время еще просуществовала в Мертвом переулке, а затем переехала на Миусскую площадь. А вместе с тем были собраны средства, было организовано так называемое Московское общество научного института имени 19 февраля 1861 года.

В. Д.: Это общество имени 19 февраля?

Э. Ш.: Общество, да.

В. Д.: Или институт имени?..

Э. Ш.: Нет, это общество, которое должно было организовать Вольную академию и на первых порах...

В. Д.: Это совершенно неизвестно было мне.

Николай Константинович Кольцов

Э. Ш.: Да. Ну, это событие-то очень важное. На первых порах было решено построить два института, чисто исследовательских, без учебных целей: один — для Лебедева, и один — для Кольцова.

В. Д.: Это биолог, который потом евгеникой?..

Э. Ш.: Да-да-да, Николай Константинович Кольцов. Знаете, вы так о нем не говорите...

В. Д.: Я его только газетно знаю.

Э. Ш.: Нет, это почти гениальный человек. Собственно, современное учение о генах и представление о том, что такое ген, — это от него.

В. Д.: Оно же восходит к западному учению?

Э. Ш.: Нет, это понятно, но ведь это уже... Был Мендель, были статистические законы, а вот он, так сказать, увидел, что ген — это большая молекула, и примерно наметил, какой она должна быть. Во всяком случае, это очень крупный ученый. Ну, это особая тема, о которой не стоит говорить.

В. Д.: Да, сейчас не будем отвлекаться. А вы с ним встречались?

Э. Ш.: Кольцов? Еще бы, конечно, и он ко мне очень хорошо относился.

В. Д.: Так, это надо заметить, что о Кольцове надо будет отдельно сказать, но не сейчас. Сейчас давайте держаться... Вот эти вот общества вокруг университета — все это очень интересно.

Э. Ш.: Да, так вот...

В. Д.: Это очень нужно, потому что... Ну, хотя, конечно, наверно, об университете Шанявского есть печатные источники.

Э. Ш.: Вот я как раз этого не знаю.

В. Д.: Есть, наверно, отчеты какие-нибудь.

Э. Ш.: Наверное, есть, но...

В. Д.: Но за последние годы, наверно, нет.

Э. Ш.: Понимаете, я как раз этого не знаю, но и меня это иногда даже беспокоит, потому что это очень важный момент в истории...

В. Д.: Да, это глава в истории русской науки.

Э. Ш.: Да, в истории русской науки. У меня имеется где-то брошюра Хвостова. Знаете, был такой профессор римского права Вениамин Михайлович Хвостов. Он был активным деятелем как раз Московского общества научного института имени 19 февраля 1861 года.

В. Д.: Да, простите, я хочу просто немножко уточнить, я не совсем понял. Значит, общество — там было освобождение крестьян, а тут общество свободной науки, так сказать, так?

Э. Ш.: Да-да.

В. Д.: Понятно. Но институт-то какого профиля был?

Э. Ш.: Института еще не было. Общество должно было создавать институты. Оно решило в первую очередь создать два института. Для Лебедева — Институт физики, чисто исследовательский институт, и Институт общей биологии — для Кольцова.

В. Д.: Ага. А Кольцов — человек какого поколения? Вот примерно 60-х годов рождения? Нет, позже, наверно.

Э. Ш.: Сейчас я вам скажу. Словом, это поколение моих учителей, так? Вот теперь считайте. Когда я поступил в университет, мне еще не исполнилось, будем считать, восемнадцать лет. Кольцову в это время было что-то около сорока лет.

В. Д.: Значит, он лет на двадцать вас старше.

Э. Ш.: Лет на двадцать меня старше. Значит, он родился в семьдесят...

В. Д.: Значит, он родился около 70-го года, в начале 70-х годов.

Э. Ш.: Да, около 70-го года. Вот.

Николай Константинович Кольцов

Строительство Физического института на Миусской площади

Так вот, видите, теперь для того, чтобы построить эти институты, была проведена агитационная, если хотите, говоря современным языком, кампания среди богатых людей. Между прочим, большую, так сказать, роль или большой вклад сделали чаеоторговцы Вогау. Вогау, Марк и еще... Вот была собрана сумма, на которую приступили к строительству этого института на Миусской площади, где был университет Шаняевского, но, можно сказать, напротив, это 3-я Миусская, 3. Тот самый институт, который потом был Физическим институтом, вот ФИАНом, зародышем нынешнего грандиозного Физического института Академии наук.

В. Д.: Того, который теперь за городом?

Э. Ш.: Он не за городом, нет.

В. Д.: ФИАН.

Э. Ш.: Он на Ленинском проспекте — Ленинский проспект, 53. Значит, приступили уже к...

В. Д.: Это все тоже на Миусской площади? Там же, где начали строить собор, который только не достроили.

Э. Ш.: Не достроили, совершенно верно.

В. Д.: А что было потом, я не знаю, кажется, его разобрали.

Э. Ш.: Его взорвали. Его было очень трудно взорвать, потому что он очень хорошо был построен, но в конце концов все-таки взорвали. А этот институт физический был таким образом: здание университета Шанявского, такой длинный фасад, затем мостовая, и по продолжению его вот эта площадка, на которой был построен вот этот вот институт, директором которого был выбран как ближайший ученик и любимец Лебедева Лазарев.

В. Д.: Ага. Это все непосредственно то, что нужно.

Здание Физического института на 3-й Миусской улице, 3.

Работа студентов в лаборатории Лебедева. Лебедевские коллоквиумы

Э. Ш.: Да. Теперь дальше. Вот как я, да и другие, вот Вавилов, Беликов и целый ряд других — каким образом мы, будучи студентами университета, сохраняли связь? Потому что университет опустел фактически. Для меня и для тех, кто, так сказать, интересовался именно наукой, а не дипломом, он играл только роль места, где надо было сдавать экзамены, для того чтобы получить диплом. В основном по такому стандарту, который установил Лебедев, все, желавшие становиться потом учеными, начинали эту свою деятельность со второго курса университета.

Со второго курса университета либо получал какую-нибудь тему, обычно идея эта уже целиком была разработана Лебедевым, или, так сказать, что ли, проходил стажировку по подготовке экспериментальной техники, и главное — участие в этих лебедевских коллоквиумах, которые Лебедев скопировал с коллоквиумов... Он ведь в Страсбурге в конце концов образование получил, в Страсбургском университете. В Страсбурге был знаменитый профессор Август Кундт, который был учителем Лебедева. Он вел этот самый семинар, по-нынешнему, на котором докладывались наиболее интересные новые работы из текущих научных журналов. Вот такой же коллоквиум Лебедев организовал и в Москве. И все мы, молодые люди, студенты и уже окончившие университет, оставленные при университете, и приват-доценты, и профессора, в том числе и вот такой профессор, как кристаллограф Вульф, например, все собирались в определенный день, и каждый раз докладывалось. Обычно два доклада, которые очень оживленно обсуждали. Это, так сказать, заведение и осталось, но сейчас уже каждый институт или чуть не каждая лаборатория имеет свой такой семинар. Тогда это был один, естественно, на всю Москву.

Система обучения и сдачи экзаменов в Московском университете

Ну, вот как же с университетом? А с университетом дело решалось очень просто. Была предметная система, которая состояла в том, что поступивший в университет должен был записаться на предметы, которые он должен слушать и затем сдавать в определенном порядке, но, в сущности, курсов не было. Так сказать, условно речь шла о том, первый, второй и так далее, а вот был набор предметов первого года, второго года, третьего года. Четырехлетний курс был. На четвертом курсе уже было мало предметов: предполагалось, что готовится дипломная работа, государственные экзамены и так далее.

В. Д.: А предметы можно было сдавать в любом порядке?

Э. Ш.: Предметы можно было сдавать в любом порядке.

В. Д.: Сначала за третий, а потом за первый?

Э. Ш.: Можно, да, но это редко. Обычно сдавали сначала за первый, а потом в зависимости от обстоятельств, от темперамента, интересов и так далее, сдавали либо, так сказать, с некоторым интервалом... Если, допустим, человек работает в лаборатории, и у него работа идет, сплошь и рядом тогда откладывали сдачу экзамена. Кончали работу, а потом сдавали... Словом, сдавать можно было в любой момент.

В. Д.: Значит, сессии не было?

Э. Ш.: Нет, сессии были.

В. Д.: Экзаменационные?

Э. Ш.: Экзаменационные.

В. Д.: А кто же на них сдавал? Ах, все-таки это было в определенные недели года, да?

Э. Ш.: Да, видите ли, сессии были: осенняя сессия в начале академического года, затем зимняя сессия...

В. Д.: На Рождество.

Э. Ш.: К Рождеству, совершенно верно. И весенняя сессия вот около Пасхи, что-то такое. Вот таким образом. Сдавать можно было в одну из этих сессий. Сдавать можно было предмет, на который студент записывался уже. Что он делал, это никого не касалось. Раз он записывался, он имел право записаться на экзамен, сдавать экзамен и получать ту или иную отметку. Вы знаете, три отметки было ведь: «удовлетворительно», «весьма удовлетворительно» и «неудовлетворительно». Вот.

В. Д.: Разве не было «хорошо» и «отлично»?

Э. Ш.: Нет-нет, абсолютно не было. «Весьма удовлетворительно» — это, так сказать, высшая оценка была. Собственно, все таким образом, совершенно свободно располагая временем, как-то координируя работу в лаборатории, участие в этих коллоквиумах и подготовку к экзаменам, постепенно сдавали эти экзамены.

(Перерыв в записи)

Отрывок из статьи о Петре Петровиче Лазареве

Э. Ш.: Я прочту отрывок из моей статьи, посвященной памяти Петра Петровича Лазарева, который является моим учителем.

В. Д.: Вы хотите сейчас перейти, так сказать...

Э. Ш.: Нет-нет. В этом отрывке как раз в связном, систематическом виде рассказано то, что вас сейчас больше всего интересует. Вы его послушаете и убедитесь в том, что он относится именно вот к этому времени разгрома Московского университета и тому, что после этого произошло. Значит, я тут рассказываю сначала о докторской диссертации Лазарева и дальше пишу: «Докторскую диссертацию Петр Петрович уже не мог защищать в Московском университете. Он защитил ее в Варшавском университете, так как в 1911 году произошел разгром Московского университета министром народного просвещения Кассо, в результате которого значительное большинство профессоров и молодых ученых ушли из университета. Покинул свою лабораторию и Петр Николаевич Лебедев, а вместе с ним ушел и Петр Петрович. Университет опустел, но появился новый центр, где нашли себе приют ученые, которые, понимая всю тяжесть последствий, связанных с уходом из университета, не пожелали подчиниться произволу царского министра. Этим центром послужил Городской университет имени Шанявского, учреждение, созданное на частное пожертвование генерала Шанявского и поддержанное городом Москвой».

В. Д.: Поддержанный Москвой?

Э. Ш.: Да, городом.

В. Д.: То есть Городской Думой?

Э. Ш.: Да, да. «После разгрома государственного университета это учреждение оказалось богато блестящими представителями науки, но оно было бедно средствами, а главное — помещениями и оборудованием. Физические лаборатории расположились в двух местах: в доме Голицыных на Волхонке (вот это Волхонка, 14) и в полуподвальном этаже дома номер 20 по Мертвому, ныне Островскому, переулку. В старинном дворянском особняке Голицыных с мраморной лестницей, украшенной мраморными скульптурами, с обширным залом и домовою церковью, было слишком мало места для целого университета. Достаточно сказать, что в одном небольшом коридоре помещались лаборатории: физическая, экспериментальной биологии с профессором Кольцовым и физической кристаллографии с профессором Георгием Викторовичем Вульфом во главе. На долю физической лаборатории приходилось всего две комнаты, где располагались практикум, демонстрационный кабинет и несколько установок для научных работ.

Помещение в Мертвом переулке было, правда, целиком отведено под научные работы, но оно состояло из двух небольших квартир, разумеется, совершенно не приспособленных для лаборатории. Кроме того, здесь же надо было поместить мастерскую и библиотеку. Коротко говоря, лаборатория в Мертвом переулке была так же тесна и бедна, как и лаборатория на Волхонке. Несмотря на эту бедность, бедность обстановки и недостаток приборов, все работники лаборатории отдавались делу с величайшим энтузиазмом, и творческая мысль здесь была ключом. Работы, которые были поставлены в этих лабораториях, велись отчасти под руководством самого Лебедева, отчасти под руководством Лазарева. Среди сотрудников последнего было много юных студентов, которые параллельно с учением в университете приступали к научно-исследовательской работе. Для этой молодежи, к которой в то время принадлежали студенты Вавилов, Молодой, Шпольский, Беликов, Ржевкин — кстати сказать, жив Ржевкин тоже, — и другие, физики старшего поколения читали специальные курсы. А по воскресеньям — вот что паразитально, — по воскресеньям все от мала до велика, от ученого с мировым именем, каким был Лебедев, до студента-второкурсника собирались на коллоквиум, где горячо обсуждались очередные проблемы физики. По традиции коллоквиум завершался „постколлоквиумом“, то есть уже совершенно непринужденным продолжением беседы на научные темы за кружкой пива или за расстегаем в дешевом ресторане „Мартьяныч“. Во всей этой жизни Петр Петрович играл выдающуюся...» Ну, дальше, я думаю...

Э. В. Шпольский, П. В. Шлаков, Н. Т. Федоров, Т. К. Молодой, П. П. Лазарев, А. С. Предводителей, С. И. Вавилов и др. Москва, 6 марта 1920

В. Д.: Уже о нем, да?

Э. Ш.: Уже о нем. Видите, это, по-моему, достаточно сжато и...

В. Д.: Это очень хорошо, да. Это «Успехи физических наук». Назовите том и страницу.

Э. Ш.: Том двадцать седьмой, страница первая, 1945 год.

В. Д.: Ага. А кто такой Ржевкин?

Э. Ш.: Ржевкин — профессор Московского университета, акустик, Сергей Николаевич.

В. Д.: Это ваше поколение...

Э. Ш.: Это мое поколение.

В. Д.: То есть поколение Вавилова Сергея Ивановича.

Э. Ш.: Да, Сергей Иванович был немножко старше меня, но это уже теперь...

В. Д.: Но вы были студентами одновременно?

Э. Ш.: Были студентами одновременно, да. (*Перерыв в записи*). Вас интересует Сергей Иванович в годы студенчества.

В. Д.: Да, значит, вы с Сергеем Ивановичем вместе были студентами. Вот немножко о нем расскажите.

Семья Вавиловых

Э. Ш.: Сергей Иванович, как и другие, в эти студенческие годы уже работал как молодой ученый, выполнял исследовательские работы. У него была большая библиотека, он получал много научных журналов и очень много читал. Работал он с необыкновенной целеустремленностью. Вместе с тем он был очень живым человеком, интересовался искусством. Ну, он был человеком состоятельным...

В. Д.: Да?

Э. Ш.: Да. Ну, это очень интересная история. Отец его пришел из деревни мальчиком, а перед войной уже он был...

В. Д.: Крупным купцом?

Э. Ш.: Он был директором Прохоровской Трехгорной мануфактуры, и даже были...

В. Д.: Да что вы говорите!

Э. Ш.: Да. Даже вот, знаете, заворачивали мануфактуру в эти самые листы бумаги, на которых обычно фирма писалась, и вот: «Прохоровская Трехгорная мануфактура. И. И. Вавилов и Компания». Так что он был главным пайщиком.

В. Д.: Директор? Разве Прохоровская была Вавилова, а не...

Э. Ш.: Очевидно, у него был основной пакет акций.

В. Д.: А почему она Прохоровская, между прочим?

Э. Ш.: Прохоров, очевидно, ее создал, я не знаю.

В. Д.: Какой-то Прохоров был?

Э. Ш.: Да, очевидно.

В. Д.: Это, значит, потом она уже была старой, и приобрела...

Э. Ш.: Вавилов крупную роль играл, но они жили очень скромно. И оба брата, Николай Иванович и Сергей Иванович, вышли выдающимися учеными.

Иван Ильич Вавилов. Мемориальный музей Н. И. Вавилова.

Николай Вавилов с матерью Александрой Михайловной и братом Сергеем. 1916

Сергей Вавилов в студенческие годы

В студенческие годы Сергей Иванович был в сущности таким же, каким он и стал после окончания, то есть необыкновенно одухотворенным, целесообразным, энергичным, собранным ученым, наука на первом плане, кроме того, такая именно целеустремленность, волевой характер. Ну, достаточно сказать следующее, что вот на этих коллоквиумах, так как Сергей Иванович много читал, он был одним из очень частых докладчиков. При этом вначале он говорил очень плохо. У него была очень плохая дикция, он бубнил, страшно торопился, но он много работал над собой и очень часто докладывал. Это происходило потому, что, благодаря своим блестящим способностям, он чрезвычайно быстро мог преодолевать понимание этих новых работ, и желание передать их другим, и несомненное желание выработать в себе именно навыки хорошего лектора. И это ему, действительно, удалось. Уже в последующие годы все вот это такое, неясная дикция и...

В. Д.: Чисто речевые недостатки он исправил.

Э. Ш.: Да, все речевые недостатки, так сказать, он совершенно исправил и, как Демосфен, можно сказать, сделался прекрасным лектором. Университетские экзамены он все своевременно сдал очень легко. Главным для него была именно лаборатория, именно в студенческие годы. Он работал как раз в Мертвом переулке.

С. И. Вавилов в Италии. 1913 г. АРАН. Ф.596. Оп.2. Д.81. Л.18.

Неформальное продолжение коллоквиумов в ресторане

Как я читал здесь, в двух местах были лаборатории: Мертвый, 20 — он там работал, а я работал на Волхонке. Но воскресные коллоквиумы происходили именно на Волхонке, так что там в воскресенье все собирались и слушали доклады. Тот, кто мог, принимал участие в обсуждении. Вот после этого, так сказать, направлялись куда-нибудь, где в такой непринужденной беседе (причем полный демократизм был) заканчивали это.

В. Д.: За кружкой пива...

Э. Ш.: За кружкой пива.

В. Д.: Так сказать, и профессор, и студент.

Э. Ш.: Да. Вначале все-таки как-то разделялись: старшее поколение уходило к «Мартьянычу» или в какой-нибудь другой ресторан, а младшее поколение — в пивную. Но потом все стали ходить к «Мартьянычу». Знаете, где был «Мартьяныч»?

В. Д.: Нет-нет-нет.

Э. Ш.: Это был первый ресторан в подвале в нынешнем ГУМе, в подвальном этаже...

В. Д.: Верхних торговых рядов.

Э. Ш.: Да-да, Верхних торговых...

В. Д.: Где же там в подвале? Там и войти-то негде.

Э. Ш.: Ну, было, вероятно.

В. Д.: Там склады теперь, да?

Э. Ш.: Вероятно, я не знаю.

В. Д.: Это что, вход с Ветошного переулка, что ли, был?

Э. Ш.: Нет, по-моему, вход с Красной площади был.

В. Д.: Значит, прямо на Красной площади был ресторан-подвал?

Э. Ш.: Ресторан-подвал, совершенно верно. Это был хороший недорогой ресторан, но, тогда как в «Метрополе» или в «Национале» подавали лакеи во фраках, там были то, что тогда называлось «половые», то есть в белых чистых рубахах, подпоясанные...

В. Д.: Трактир.

Э. Ш.: Да, как трактир, но это был, конечно, ресторан — недорогой, но настоящий ресторан. И вот туда ходили все: и старшее поколение, и младшее. Каждый заказывал себе по средствам: один — кулебяку, а другой — что-нибудь более солидное. А главное — было продолжение коллоквиума, продолжение беседы на научные и физические темы.

В. Д.: А темы коллоквиума были чисто специальные? Ну, скажем, название какого-нибудь доклада Вавилова, например?

Э. Ш.: Нет, так это просто-напросто были доклады на основании работ, опубликованных в литературе. Так как в России физика была на очень низком уровне, то это почти исключительно в иностранной литературе... Собственно, столицей физики была Германия. Главным образом «Annalen der Physik», физический журнал...

В. Д.: Ага, «Физические анналы».

Э. Ш.: ...давал материал для этого. Ну и затем появлялись же новые теории и споры, так сказать: и теория относительности, и теория квантов...

В. Д.: Теория относительности разве уже?..

Э. Ш.: В 1905 году появилась специальная теория относительности. А теория квантов — начало в 1900 году. Так что это...

В. Д.: Значит, эти вопросы уже обсуждались московскими молодыми учеными.

Э. Ш.: Да. Очень интересные данные имеются относительно Ленинграда, там по-другому протекало.

В. Д.: Петербурга тогда, да.

Э. Ш.: Да-да, Петербурга, простите, это привычка. Вот. Там протекало по-другому. Но в Москве центр — именно лаборатория Лебедева и вот этот лебедевский коллоквиум.

Сергей Иванович Вавилов

Что касается Сергея Ивановича, то я повторяю, он был чрезвычайно целеустремленный, энергичный, сосредоточенный на науке, но вместе с тем интересовавшийся музыкой, искусством. Он бывал в Италии и хорошо знал итальянскую живопись. Ну, что же еще сказать?

В. Д.: Ну, каких-нибудь конкретных эпизодов, связанных с литературой, искусством, у вас не осталось в памяти?

Э. Ш.: Что именно?

В. Д.: Ну, вообще конкретных эпизодов, связанных с Вавиловым, которые бы какую-то сторону характера его давали, в частности, меня интересуют его гуманитарные интересы.

Э. Ш.: Гуманитарные интересы у него тоже были очень, так сказать, активные. Словом, когда были пушкинские торжества... В каком это году было, в Историческом музее?

В. Д.: А! Это 49-й год, полтора года лет.

Э. Ш.: 49-й год. Словом, он в это время уже...

В. Д.: Он был президентом.

Э. Ш.: Да. Все выступления его, уже когда он был академиком и президентом Академии, на каком бы собрании он ни выступал, он всегда писал сам. Касалось ли дело Пушкина или фотосинтеза — все выступления писал он сам. Он с чрезвычайной быстротой, так сказать, вообще впитывал в себя науку и имел очень широкое образование и научное мировоззрение.

В. Д.: И быстро работал.

Э. Ш.: И очень быстро работал. Ну, отличался он от всех нас тем, что мы все носили студенческую форму, а он один ее не носил. Можно было, так сказать, по желанию, но большинство-то носило форму, но он ее никогда не носил. Что же еще вам про него?

С. И. Вавилов в Михайловском на заседании, посвященном 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина. 1949 г. АРАН. Ф.596. Оп.2. Д.92. Л.4.

В. Д.: В театр вы не ходили вместе?

Э. Ш.: На концертах бывали иногда, он концерты посещал. Всегда картина такая: Сергей Иванович в пиджаке, из этого вот кармана...

В. Д.: Верхнего.

Э. Ш.: ...торчит желтый карандаш «Кохинор». Он всегда только этим... Знаете эти знаменитые?.. Это чешская фирма.

В. Д.: Вот это я не застал. «Кохинор»?

Э. Ш.: «Кохинор».

В. Д.: Это я не застал уже.

Э. Ш.: Это знаменитые карандаши, самые разнообразные: и чертежные, и для рисования... Вот. А из этого кармана торчала...

В. Д.: Из правого бокового кармана верхнего.

Э. Ш.: Из правого торчала логарифмическая линейка. И вот в таком виде обычно он ходил и на концерты. Ну, все, так сказать, было поглощено наукой.

Соседство с Вавиловым и Весниными

В. Д.: Дома вы у него не бывали?

Э. Ш.: В то время — нет. Вообще, я с ним особенно близко сошелся уже перед революцией. Да, я был, конечно, с ним очень хорошо знаком, ну, просто как товарищи мы были, но вот уже после революции мы жили... Ему пришлось покинуть их особнячок на Пресне, и я его устроил в том доме, где я жил много лет, где мои друзья жили. Это в тех же местах, около Мертвого переулка, только переулок Большой Успенский, который теперь называется...

В. Д.: Это Большой Могильцевский.

Э. Ш.: Большой Могильцевский. Я прожил больше половины жизни в этом доме. И как раз ему надо было найти себе место, найти себе комнату, он меня спросил. Я жил в тринадцатой квартире. В четырнадцатой квартире жил Виктор Александрович Веснин.

В. Д.: Ах, там он был, да?

Э. Ш.: Да. Как раз в то время на очереди шел вопрос об уплотнении, и Наталья Михайловна Веснина просила меня рекомендовать культурного человека, которым они могли бы уплотниться. И я как раз рекомендовал им Сергея Ивановича.

Таким образом, я жил в тринадцатой квартире, а он жил в четырнадцатой квартире. Ну, поэтому мы с ним уже вечерами очень часто встречались и все такие животрепещущие физические вопросы обсуждали. Кроме того, он там, так сказать, судьбу свою нашел: он женился на сестре Натальи Михайловны — Ольге Михайловне.

В. Д.: Ах, вот как! Значит, Вавилов в родстве с Весниными?

Э. Ш.: Да-да, конечно.

В. Д.: Я этого не знал.

Э. Ш.: Да. Он женат на Ольге Михайловне, Багриновские они...

В. Д.: На сестре жены Виктора Веснина.

Э. Ш.: Да-да-да.

О. М. Вавилова, жена С. И. Вавилова. 1930 г. Слайд, сделанный С. И. Вавиловым. АРАН. Ф.596. Оп.2. Д.98. Л.6.

В. Д.: Ага. Виктор там жил, а братья были в другом месте?

Э. Ш.: В другом месте. Виктор Александрович и Наталья Михайловна занимали большую квартиру в этом доме, четырнадцатая квартира...

В. Д.: Это в Могильцевском переулке?

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Там только один дом, по-моему, многоэтажный.

Э. Ш.: Там только один большой дом и был.

В. Д.: Остальные домики, которые сейчас крушат.

Э. Ш.: Да-да. А там были хорошие квартиры, вообще хорошо поставленный дом...

В. Д.: Если идти от церкви, то это, по-моему, с правой стороны.

Э. Ш.: С правой стороны, да, совершенно верно.

В. Д.: Четырех- или пятиэтажный дом.

Э. Ш.: Нет, это больше. Потом я жил в семнадцатой квартире, перед переездом сюда мы там же жили...

В. Д.: Улицей Весниных⁴ стал Денежный переулок.

Э. Ш.: Да. Мы жили на пятом, там этаж и пол-этажа... Собственно, он семиэтажный был, большой дом.

В. Д.: Да.

О братьях Вавиловых

Э. Ш.: Вот. Ну, что же еще можно сказать о Сергее Ивановиче?

В. Д.: А с Николаем Ивановичем вы...

Э. Ш.: Я был знаком с Николаем Ивановичем тоже. Я знал вообще всю семью, ну, в большей или меньшей степени. С Николаем Ивановичем я был достаточно хорошо знаком. Конечно, с Сергеем Ивановичем я был ближе, потом мы очень сблизились, в особенности после его женитьбы и моей женитьбы. Жены наши друг другу очень понравились, что имеет очень большое значение.

В. Д.: Вот скончавшаяся ваша супруга, она тоже с того времени, да?

Э. Ш.: Несколько позднее. Сергей Иванович года на два, что ли, раньше меня женился.

В. Д.: А она к этой семье не имела?..

Э. Ш.: Нет, не имела никакого отношения. Просто она познакомилась благодаря тому, что я уже был... Тогда ближе всего мы с Сергеем Ивановичем были. Ну, естественно, познакомились и жены, и отсюда, так сказать, как-то...

В. Д.: А если, так сказать, сопоставить двух братьев, что у них общее, что разное?

Э. Ш.: Видите, конечно, Сергей Иванович был замечательным и очень хорошим ученым и, в сущности, на посту президента государственным человеком. Николай Иванович, понимаете, выходит совершенно из всех рамок: это был ученый, как теперь выясняется, гениальный, и государственный человек огромного масштаба.

Ведь, конечно, вам известно, что первые годы после Октябрьской революции интеллигенция переживала очень тяжело... Я, конечно, не говорю о тех, которые сразу эмигрировали. А те, которые оставались здесь и хотели оставаться, должны были как-то это пережить. А все-таки сравнительно небольшая часть вот такой интеллигенции, тяготевшей к науке, вместе с тем как-то занималась политической деятельностью. Много для нас было неясно и, конечно, вызывало очень тяжелые ощущения. Я бы сказал, понимание ясное того, что, собственно, происходит, далеко не у всех было. Но Николай Иванович принадлежал к числу тех, кто очень быстро понял, что то, что произошло, — это не бунт какой-то, а именно революция, которая способна изменить историю на многие десятилетия. И когда собирались интеллигентские кружки какие-то, ну, просто в гостях, и вот обсуждали события, то Николай Иванович всем как раз объяснял, что все те эксцессы, которые, несомненно, были в то время, они, конечно, неизбежны при перевороте такого масштаба, который испытала страна в то время. Так что он один из первых интеллигентов, который прекрасно понял, что произошло, и, можно сказать, с головой окунулся в любую деятельность, бесконечные путешествия, создание вот этого Института растениеводства, колоссальных, необычайных этих коллекций, и вместе с тем такая творческая деятельность. Так что это был человек совершенно исключительного масштаба.

В. Д.: Значит, он был еще более крупным?

Э. Ш.: Более крупный, несомненно.

В. Д.: Так. А его семью вы знали [нрзб]?

Э. Ш.: Николая Ивановича?

В. Д.: Да.

Э. Ш.: Я знал, но не очень хорошо. А кто вас интересует?

В. Д.: Нет, вот на ком он был женат?

Э. Ш.: Он был женат... Первая жена не очень яркая была... Это не совсем...

В. Д.: У него остались дети?

Э. Ш.: Нет, видите, у него был сын, который нелепешим образом (он, по-моему, уже кончил тогда университет) погиб во время катания на лыжах с гор на Домбайской поляне.

В. Д.: Что вы говорите? Ужас какой!

Э. Ш.: Да, очень талантливый молодой человек.

В. Д.: Уже когда его не было, да?

Э. Ш.: Да.

Николай Иванович Вавилов. Фото: Научный архив РГО

О назначении Сергея Вавилова президентом Академии наук СССР

В. Д.: Так. Так что Сергей Иванович был вашим близким соседом и приятелем, да?

Э. Ш.: Нет, он был другом, настоящим другом. Так что, вообще говоря, и в последующие годы, уже когда он был президентом, конечно, он был страшно занят, но тем не менее, так сказать, мы сходились вместе именно как близкие друзья.

В. Д.: Вот мне немножко таинственно, как это получилось, что после такой страшной истории с Николаем Ивановичем его все-таки в то время сделали президентом?

Э. Ш.: О! Я думаю, что это довольно просто. Было понято, что сделана была ошибка, и что надо все-таки в какой-то мере общественное мнение мировое (оно, конечно, играло роль) смягчить...

В. Д.: Впечатление...

Э. Ш.: Да, впечатление от этого.

В. Д.: Впечатление от тех слухов, которые шли. Причем ничего же известно не было.

Э. Ш.: Кроме того, известно было, что Сергей Иванович, во-первых, прекрасный ученый, обладает организаторским талантом и авторитетом. Кто подсказал, это я не знаю, но факт тот, что, конечно...

В. Д.: Сталин это поощрил, да?

Э. Ш.: ...именно история Николая Ивановича в данном случае послужила поводом для того, чтобы...

В. Д.: Надо было как-то это закрыть.

Э. Ш.: Да.

В. Д.: А сам Сергей Иванович не подвергался никаким гонениям?

Э. Ш.: Нет. Вообще, вы знаете, это очень трудная для обсуждения тема.

В. Д.: Да.

Э. Ш.: Его положение было исключительно тяжелым...

В. Д.: Сергея Ивановича.

Э. Ш.: Он ничего не мог сделать...

В. Д.: Он был президентом Академии недолго, скоро умер?

Э. Ш.: Да.

В. Д.: В 46-м году, по-моему, он стал... Комаров когда умер?

Э. Ш.: Примерно да.

В. Д.: И уже, по-моему, чуть не три...

Э. Ш.: Он года три был.

В. Д.: Года три всего.

Э. Ш.: Да-да.

О болезни и смерти Сергея Вавилова

В. Д.: И умер, в общем, для ученого в молодом...

Э. Ш.: А я вам могу сказать.

В. Д.: От чего он умер?

Э. Ш.: Он умер как раз накануне своего шестидесятилетия. Значит, мы решили к его шестидесятилетию посвятить ему номер «Успехов физических наук», в организации которых он играл очень большую роль. То есть не то чтобы... Он так же активно, как и все, что он делал, активен был и в научно-литературной этой работе. Решили мы ему посвятить номер. И я для этого номера написал юбилейную статью «К шестидесятилетию Сергея Ивановича Вавилова». Но эта статья увидела свет под названием «Памяти Сергея Ивановича Вавилова».

В. Д.: Он внезапно скончался?

Э. Ш.: Да, но у него были приступы перед этим.

В. Д.: Сердечные? У него инфаркт был?

Э. Ш.: У него был тяжелый очень... У него, вероятно, было два инфаркта, но он в этом отношении был человек очень своеобразный. Врачи приходили в крайнее негодование, потому что они отвечали за его здоровье, а он никакого внимания не обращал на их советы и указания. Вообще, от природы у него железное здоровье было. Я никогда не мог себе представить, что я переживу его и переживу на столько лет. Я был совершенно уверен в том, что он переживет меня на много лет, потому что железное...

В. Д.: Ему, значит, уже было бы сейчас больше восьмидесяти?

Э. Ш.: Да. И вот, видите ли...

В. Д.: А Николай Иванович младше?

Э. Ш.: Старше. Я потерял немножко нить...

В. Д.: Да, простите, вы говорили о его железном здоровье.

Э. Ш.: Да, но, видите, два обстоятельства. Во-первых, я не знаю, то ли это была малярия, то ли... Ну, я даже думал, уж не туберкулез ли, но его близкие все, и Ольга Михайловна, и сами он категорически это отрицали, но время от времени у него бывали вот такие приступы — ну, кашлял он мало, а с повышением температуры, лихорадило. Я как сейчас помню, как-то я на Моховой его встретил, и он был зеленый. Я говорю: «Что такое с тобой?» Он говорит: «Трясет меня». И это время от времени повторялось. Значит, что-то уже было. Затем, во время войны он перенес очень тяжелое воспаление легких. Тогда, по-моему, уже был пенициллин, и только пенициллин его спас. А ведь это для сердца оставляет... Наконец, трагическая история Николая Ивановича и полная беспомощность Сергея Ивановича в этом. Затем бесконечное количество всяких неприятностей, с которыми было связано его президентство в Академии наук.

В. Д.: Неприятности были?

Э. Ш.: Господи боже мой! Сколько их было в то время!

В. Д.: А, ну да. Он все-таки пошел на это дело?

Э. Ш.: Он пошел, да. Он пошел, потому что ему хотелось поставить Академию на тот уровень, которого она заслуживала, и какой она должна быть в России того времени.

В. Д.: Да. Он поднял, много сделал.

Э. Ш.: Много сделал, очень много.

О Сергее Вавиллове в годы Первой мировой войны

В. Д.: Много сделал. Эдуард Владимирович, это относительно Вавилова вы рассказали... Вот я немножко возвращаюсь к предвоенной полосе. Ну, может быть, вы немножко как-то это закруглите. Мне хотелось бы знать... Ну, университет Шанявского, ваши эти коллоквиумы — все это продолжается до 14-го года, так?

Э. Ш.: Да.

В. Д.: Примерно этот быт?

Э. Ш.: Да-да, но дальше он несколько меняется, и вот для того, чтобы закруглить...

В. Д.: В каком направлении?

Э. Ш.: Я вам сейчас скажу, каким образом он изменился. Значит, в 914-м году Сергей Иванович уже кончил университет и отбывал воинскую повинность в качестве вольноопределяющегося.

В. Д.: Ага, вот это мы не записывали. Значит, в 14-м году... Ах, он пошел в эти вольнопёры, как их называли, до войны еще?

Э. Ш.: По-моему, да. Мне вот это немножко точно...

В. Д.: Не помните.

Э. Ш.: Он весной кончил... По-моему, он...

В. Д.: Весной 14-го года кончил?

Э. Ш.: По-моему, весной 14-го года кончил.

В. Д.: А вы еще были студентом?

Э. Ш.: А я еще был студентом. И как раз он, значит, был взят на военную службу. В телеграфной роте он был, в инженерных войсках, и сразу же оказался...

В. Д.: Война.

Э. Ш.: Да, война. Но он все время был в технических частях. Потом он довольно быстро — я уж тут точно дат не помню — сделался прапорщиком. Я не знаю, кажется, он все время прапорщиком, не получил чина подпоручика и поручика, во всяком случае офицером уже был. Но теперь...

С. И. Вавилов в армии. 1914–1916 гг. АРАН. Ф.596. Оп.2. Д.79. Л.67.

Работа в рентгеновском кабинете

Видите, вот я и некоторые другие. Лазарев немедленно... Я работал у Лазарева на Миусской площади. Лаборатория в Мертвом переулке уже, так сказать, была...

В. Д.: Ликвидирована?

Э. Ш.: Ликвидирована. И Лазарев немедленно начал организовывать рентгеновский кабинет и вообще вот эти самые — обслуживание войны и...

В. Д.: А! Рентгенологию на службу лазаретам, да?

Э. Ш.: Да. Мы из того оборудования, которое у нас было... В то время это было еще довольно новое дело. Ну, когда же?... Около 900-го года, что ли... В 95-м году радиоактивность, что-то в этом роде... Да, около 95-го года было открыто. Ну, лет двадцать, вот так примерно. В Москве было еще очень мало, почти не было рентгеновских кабинетов настоящих. Мы собрали рентгеновский кабинет в своей лаборатории сначала из того оборудования, которое у нас было, и начали работу в нем. Сразу появились раненые, и примерно половина здания университета Шаняевского уже отошла под госпиталь. Но наш кабинет обслуживал не только этот госпиталь, но и вообще всю Москву. Кроме того, вот был ассистент ближайший такой, но старше, чем я и мое поколение, Щодро Николай Ксаверьевич, который был главным организатором подвижного рентгеновского кабинета, в котором я тоже принимал очень деятельное участие и просто работал. Понимаете, дело это очень развилось, потом уже наш кабинет стал богатым, мы получили современные установки. Я в конце концов был таким, как это называлось, инспектором рентгеновских установок по Союзу городов, так что я фактически на той войне и не был.

В. Д.: Были инспектором Союза городов, Земгора?

Э. Ш.: Да-да. Но я все время, значит, работал именно в нашем рентгеновском кабинете и в подвижном рентгеновском кабинете, который обслуживал всю Московскую губернию, а потом в Сакской земской грязелечебнице. Знаете Саки?

В. Д.: Где-где?

Э. Ш.: Саки, около Евпатории, где грязевые ванны. То же самое это было, целиком было обращено, так сказать, под госпиталь. Затем инспектировал, организовывал рентгеновские установки новые. Одним словом, такую очень большую деятельность... В то время был рентгенологом, так сказать, профессиональным, и меня даже называли «доктор» поэтому, в смысле я врач.

В. Д.: Ага. Вы как раз в рентгенологической области много сделали?

Э. Ш.: Много сделал, да.

В. Д.: В дальнейшем вы отошли от этой темы?

Э. Ш.: Да, потом я отошел. У меня были и работы исследовательские уже в этой области. Потом я великолепно знал литературу. Потом под моей редакцией вышел перевод книги Кея (Кей — это один из близких сотрудников Резерфорда) «Рентгеновские лучи», которую я несколько переработал, потому что она уже устарела к тому времени, но вместе с тем была очень хорошая, что я бы мог поставить свое имя рядом, но я только написал: переработано и дополнено таким-то.

В. Д.: Ага. Так, понятно. Значит, одна лаборатория кончилась, а вторая, так сказать, стала больше всего работать на оборону.

Э. Ш.: Да. Между прочим, в свободное время продолжал я работу, но уже в этой области. Я уже занимался фотохимическими действиями рентгеновских лучей, а до этого вообще занимался фотохимией, то есть действиями света, видимой части. Понимаете, соответственно с тем, что мне приходилось с рентгеновыми лучами все время работать, я и тему себе соответствующую выбрал. Вот.

В. Д.: И в то же время еще были студентом университета?

Э. Ш.: Нет. Понимаете, я получил выпускное свидетельство в 915-м году, но в связи с этой деятельностью медицинской, ну, как это называлось?..

В. Д.: Общественная работа, что ли?

Э. Ш.: Нет-нет, это не общественная работа, ну, по военной службе... Словом, я был на этом основании освобожден от военной службы, так как я уже...

В. Д.: Броня, броня, так сказать.

Э. Ш.: Да-да, именно, вот я забыл это слово.

В. Д.: Вот это слово вы упустили, да?

Э. Ш.: Да-да. Значит, получил броню и все время занимался этим, а...

О государственных экзаменах, выпускном свидетельстве и табели о рангах

В. Д.: Но свидетельство вы получили в 15-м году?

Э. Ш.: Да. А государственные экзамены я сдал в 917-м году. Так что я два года...

В. Д.: А разве свидетельство выдавалось до государственных экзаменов?

Э. Ш.: Да, выдавалось.

В. Д.: Как же там получалось, система какая там?

Э. Ш.: Видите, система была такая, что вначале окончивший университет... Собственно, окончанием университета считалось получение именно выпускного свидетельства.

В. Д.: О том, что сданы все предметы, на какие записаны?

Э. Ш.: Да, но не все предметы. Предметы разделялись на две части. Одна часть сдавалась на так называемых полукурсовых экзаменах, ну, то, что теперь курсовые обычные экзамены...

В. Д.: Семестровые, так сказать.

Э. Ш.: Семестровые. А целый ряд предметов не сдавался на этих курсовых экзаменах, но выносился на государственные. Причем государственных экзаменов было ни много ни мало восемь. Это были экзамены весьма серьезные. Ну, математические были: теория чисел, вариационное исчисление, теория вероятностей, исчисление конечных разностей, интегрирование дифференциальных уравнений — вот такие вот вещи. Так что восемь очень серьезных, понимаете... По физике только один экзамен был — теория электромагнитного поля. Все остальные экзамены — семь экзаменов математических. Вот таким образом. Понимаете, порядок был такой, что получивший выпускное свидетельство должен был подавать заявление о желании сдавать государственные экзамены.

В. Д.: А что это ему давало?

Э. Ш.: Государственные экзамены?

В. Д.: Да.

Э. Ш.: Это ему давало, собственно, право преподавать...

В. Д.: Ведь получив свидетельство, он уже становится человеком с университетским значком.

Э. Ш.: Нет, значок он не мог еще носить. Он только имел выпускное свидетельство и имел право сдавать государственные экзамены, после чего он мог носить значок и обычно становился преподавателем среднего учебного заведения, получая какой-то не очень маленький чин, между прочим.

В. Д.: Ах, да, чины имели преподаватели.

Э. Ш.: Да-да.

В. Д.: Вот по этой семнадцатиступенчатой⁵ таблицы о рангах.

⁵ Таблица о рангах устанавливала четырнадцать рангов.

Э. Ш.: Да-да-да. В общем, у преподавателей было две полоски и, по-моему, три звездочки, а следующий — просто две полоски, и затем была одна звезда — это статский советник. Среди преподавателей, имевших достаточный стаж, было очень много статских советников.

В. Д.: Да. То есть у преподавателей университета или?..

Э. Ш.: Нет, и в средней школе.

В. Д.: Даже в средней школе были статские?..

Э. Ш.: Были статские советники. А, например, инспектор, директор — уж обязательно либо статский, либо действительный статский советник.

В. Д.: Да что вы! Значит, так высоко все-таки...

Э. Ш.: Да-да. А профессора очень быстро становились действительными статскими советниками.

В. Д.: И даже тайными.

Э. Ш.: Ну, тайными редко.

В. Д.: Тайный — это уже чин министра.

Э. Ш.: Ну, это вроде даже, по-моему, полный генерал. Между прочим, в этих самых...

В. Д.: Тайный и действительный тайный, или нет?

Э. Ш.: Действительный тайный. Вот я не помню, Никитенко в конце концов был, кажется, действительным тайным советником.

В. Д.: Цензор Никитенко?

Э. Ш.: Да-да. Он в своих известных воспоминаниях и в дневнике пишет о том, что чин (кажется, был действительный тайный) действительного тайного советника ему не по средствам, потому что надо было иметь уже раззолоченный мундир и всякие такие...

В. Д.: Выезд свой.

Э. Ш.: Да. Одним словом, нечто такое, что человеку, так сказать, не имеющему состояния, трудно было иметь.

В. Д.: Интересно. А получивший свидетельство об окончании университета — что, неужели не мог идти в гимназию преподавать?

Э. Ш.: Мог идти. И были такие. У нас, например, был одно время, когда я учился в реальном училище, историк, который по каким-то личным причинам получил выпускное свидетельство, но не сдал государственных экзаменов. И потом, значит, он ездил и сдавал государственные экзамены. Понимаете, он-то преподавать мог, но чин он имел другой.

В. Д.: Ага. Чин и, соответственно, блага всякие жизненные тогда с этим были связаны...

Э. Ш.: Да, да.

В. Д.: Но понятия ни кандидата, ни бакалавра — этого у вас ничего не было?

Э. Ш.: Не было, нет.

В. Д.: Профессорское звание — это было избирательное уже.

Э. Ш.: Профессорское звание — да. Значит, там был...

В. Д.: Профессор — это преподаватель высшего, университета...

Э. Ш.: Да, но, видите ли, обычно ведь, для того чтобы сделаться профессором, нужно, чтобы была кафедра. Обычно так. Собственно, полагалось профессору быть доктором. Было, как и сейчас...

О магистерских экзаменах и звании приват-доцента

В. Д.: А было докторское звание?

Э. Ш.: А как же! Магистерская — первая степень. Магистр...

В. Д.: Ах, значит, вместо кандидата был магистр?

Э. Ш.: Магистр, да. Но это было гораздо серьезнее, чем кандидат. Знаете, нынешние кандидатские экзамены по сравнению с магистерскими — просто смешное упражнение. В Московском университете были очень трудные, а в Петербургском университете математики так зверствовали, что очень немногие проходили через это горнило. Вот сдав магистерские экзамены, а было их... Значит, для физиков: математика, какие-то курсы определенные, механика теоретическая и физика — три очень серьезных экзамена. После этого человек становился магистрантом, и после прочтения пробной лекции имел право сделаться приват-доцентом.

В. Д.: Почему «приват»? Я думал, что «приват» — это что-то вроде вольноопределяющегося.

Э. Ш.: Нет, видите ли, это вот почему. Это не было штатной доцентурой...

В. Д.: Ах, так.

Э. Ш.: Не было штатной: приват-доценты...

В. Д.: Ну, деньги-то платили за лекции?

Э. Ш.: Платили очень мало. Вот приват-доцент имел право объявлять любой курс. Обычно...

В. Д.: То, что у нас «спецкурс» называется?

Э. Ш.: Да, вот именно, то, что называется спецкурсом. На этот курс записывались студенты. Нужно было записаться на некоторое количество спецкурсов. Значит, одни записывались просто потому, что нужно было, другие — потому что интересовались тем курсом...

В. Д.: Третьи — потому что нравился преподаватель.

Э. Ш.: А третьи — потому что нравился. И вот из этого, насколько я знаю, создавалась и оплата, очень скромная, приват-доцентов. Я тоже был приват-доцентом, но уже в революционное время.

В. Д.: Еще сохранялось?

Э. Ш.: Это сохранялось. Причем меня даже освободили от магистерских экзаменов. Сергей Иванович, которого тоже могли бы освободить, если бы он этого захотел, во что бы то ни стало хотел: «Нет, я буду держать!» Но тогда уже это в значительной степени выродилось, я бы сказал.

А я прочел лекцию, причем нужно было две лекции читать: одну — по собственному выбору, а вторую — по выбору факультета. Я прочел большую пробную лекцию, а от второй лекции меня освободили, и получил звание приват-доцента.

В. Д.: Ага. Значит, это уже в революцию.

Э. Ш.: Это уже в революцию.

В. Д.: А когда пришла Февральская революция, вы были в студенческой среде?

Э. Ш.: Нет.

В. Д.: Вы были в этом самом рентген...

Э. Ш.: Что? Я уже был, да... Одним словом, так: я целиком все время был связан с лабораторией Лазарева. Это было, так сказать, основное место, где я работал.

В. Д.: И после 14-го года, да?

Э. Ш.: И после 14-го года.

В. Д.: Значит, примерно с 12-го и до 17-го?

Э. Ш.: Да-да, и после 17-го.

В. Д.: И даже позже, и после 17-го.

Э. Ш.: Да. Значит, основное — это лаборатория Лазарева. Там была сосредоточена и моя деятельность по этим рентгеновским делам, и моя исследовательская деятельность, и все друзья, и все интересы. Все было сконцентрировано именно там.

В. Д.: Ваша исследовательская работа шла в основном по линии, связанной с рентгеном, да?

Э. Ш.: Тогда — да. Но вообще я занимался фотохимией. Мне Лазарев дал тему, потому что это как раз область была, в которой он работал. Его докторская диссертация была посвящена основным законам действия света. А после того, как я стал заниматься рентгеновскими лучами, я стал заниматься химическими действиями рентгеновых лучей, так сказать, совершенно естественно переместив... Мне не хочется лезть, тут книга Кея, которую я на половину, в сущности, написал сам...

В. Д.: Книга кого?

Э. Ш.: Кея, я говорил, «Рентгеновские лучи».

В. Д.: Да-да. Ага, понятно. Вот теперь как-то уложилось, что это такая... Вы на каком-то этапе скоро как раз и стали отрываться от университета.

Об университетских профессорах и самообразовании

Э. Ш.: От университета я оторвался, в сущности, с момента вот этой катастрофы.

В. Д.: Но вы же были только первокурсником.

Э. Ш.: Я был первокурсником, совершенно верно, но на втором курсе я начал работать в лаборатории Лазарева, и в университете я уже... В общем, в университете я сдавал экзамены.

В. Д.: Вы сдавали экзамены, но туда не ходили особенно.

Э. Ш.: Почти не ходил.

В. Д.: И ни в каких студенческих событиях вы не участвовали?

Э. Ш.: Нет, нет. Вся жизнь протекала именно в лаборатории, это было основное место. В сущности говоря, образование научное было получено в основном там именно, ну, конечно, и самостоятельной работой.

В. Д.: Ага, то есть вы считаете, что...

Э. Ш.: А университет в то время мне ничего дать не мог: лекции Станкевича были для меня смехотворными совершенно, а математические лекции — ну, я к тому времени главное уже сдал или занимался сам. Одним словом, в основном я работал в лаборатории.

В. Д.: Там математические лекции в это время — Егоров и Лузин.

Э. Ш.: Лузин не читал еще при мне. Он был приват-доцентом и где-то в заграничной командировке. Я должен был слушать Андреева, аналитическая геометрия и высшая алгебра, Млодзиевский...

В. Д.: Ах, Млодзиевский.

Э. Ш.: Млодзиевский, Болеслав Корнеевич, это отец. Блестящий был профессор. Он не славился как математик-исследователь, но как профессор был замечательный. Он читал аналитическую геометрию. И затем Лахтин Леонид Кузьмич, который читал введение в анализ, дифференциальные исчисления, интегральные исчисления. На втором курсе Егоров читал дифференциальную геометрию, интегрирование дифференциальных уравнений. Лекции сухие, но очень серьезные. Что касается Лахтина, то это очень своеобразно было. Он не читал лекции, а диктовал. Причем он диктовал их вплоть до того, что знаки препинания говорил: «Запятая, или нет, лучше точка с запятой». А соответствующие формулы он тут же на доске писал, и студенты все это записывали. Получались довольно элементарные курсики.

Поэтому серьезным математическим образованием — анализ математический, то, что для физика самое важное, — я самому себе обязан. И в особенности по дифференциальным уравнениям второго порядка, которые для физика очень важны. Огромное влияние на меня оказала монография Крылова Алексея Николаевича «О некоторых дифференциальных уравнениях математической физики, имеющих применение в технических вопросах». Вот когда я ее прочел, то тут-то я и понял всю силу и мощь математического анализа.

О характере Петра Петровича Лазарева

В. Д.: Ага. Значит, кроме Вавилова, но только Вавилов был приятелем, другом, а другом, так сказать, и учителем вашим был Петр Петрович Лазарев?

Э. Ш.: Был учителем моим Лазарев, да.

В. Д.: Ну, вот он старше много, да? Он лет на пятнадцать вас старше.

Э. Ш.: Да, я думаю, что так. Видите, когда я поступил в университет, то вскоре — ну, в сентябре начались лекции — примерно в октябре, в ноябре Лазарев защищал магистерскую диссертацию. Он был еще молодым приват-доцентом...

В. Д.: Ну, ему было лет тридцать – тридцать пять, да?

Э. Ш.: Да, лет тридцать – тридцать пять, вместе с тем уже он был, по-моему, выбран и в Императорском техническом, нынешнем МВТУ, был выбран профессором очень быстро. Так что ему было тогда, вероятно, лет тридцать пять примерно.

В. Д.: Ну, вот то, что вы говорили о демократизме ваших собраний, — это тоже входило в поведение Лазарева?

Э. Ш.: Да-да.

В. Д.: Потому что потом он, кажется, был довольно важный дядя, уже в советские годы, нет?

Э. Ш.: Как вам сказать? По-моему, нет. Я не знаю. Понимаете, вот мы все работавшие в лаборатории, мы проводили там всю свою жизнь, мы там жили.

В. Д.: Это был ваш дом.

Э. Ш.: Совершенно верно, это был наш дом, и поэтому все произошло... Я ничего не предпринимал... Вот такое важное событие, случайно я задержался с государственными экзаменами, но без какой бы то ни было, не предпринимая ничего специального... Я сейчас же начал вместе с Щодро и с другими организовывать этот рентгеновский кабинет, так сказать, продолжал там жить. А потом уже дальше эта деятельность значительно развилась. В частности, я с этим подвижным рентгеновским кабинетом на автомобиле разъезжал очень много.

В. Д.: Ах, даже так. Ну а сам Петр Петрович Лазарев как человек вообще?

Э. Ш.: Он очень неровный был человек. Вы знаете, вначале он был очень скромным человеком, а потом он, действительно, немножко стал генералом. Но со своими сотрудниками он не был таким.

В. Д.: Он был, значит, физик только?

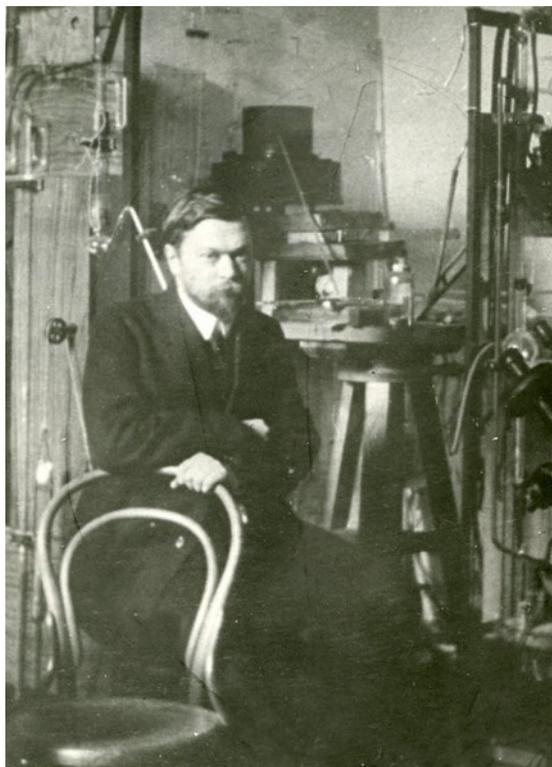
Э. Ш.: Или что?

В. Д.: Математиком он не был никаким?

Э. Ш.: Нет. Да, но он, собственно говоря, занимался и создавал впервые биофизику.

В. Д.: Ах, к биофизике он имел отношение.

Э. Ш.: Это его было...

П. П. Лазарев в лаборатории. 1930-е гг. АРАН. Ф.1698. Оп.1. Д.67. Л.1.

Лазарев, Лейст и Курская магнитная аномалия

В. Д.: Вот в чем его основная заслуга, так сказать, научная?

Э. Ш.: Видите, считается, его работы по биофизике... Теория называлась «ионная теория возбуждения», возбуждения физиологического. Я считаю, конечно, громадная заслуга его по организации исследования Курской магнитной аномалии.

В. Д.: Ага. Аномалия вы говорите?

Э. Ш.: Я говорю аномалия. Аномалия?

В. Д.: Может быть, я неправильно говорю.

Э. Ш.: А вы говорите, что аномалия?

В. Д.: Да.

Э. Ш.: А мы привыкли как-то.

В. Д.: Интересно, это чисто уже орфоэпический вопрос. Интересно, как в словарях, я поинтересуюсь, потому что я привык с детства: Курская магнитная аномалия.

Э. Ш.: Нет, мы как-то так...

В. Д.: Это для меня интересно еще как деталь комментария к моему личному — к Маяковскому. Маяковский упоминает Петра Петровича Лазарева.

Э. Ш.: Да?

В. Д.: Да, у него есть стихотворение «Курская магнитная аномалия». Видимо, аномалия, вот я не знаю.

Э. Ш.: Ну, это как угодно, пожалуйста.

В. Д.: Да. И там упоминается, что будут памятники, ну, может, Лазарев поставят.

Э. Ш.: Вы знаете, надо сказать, что к его памяти очень несправедливы в этом отношении, потому что история этого дела довольно сложная. Коротко говоря, серьезные исследования Курской аномалии вел Лейст. В начале революции Лейст написал монографию, посвященную...

В. Д.: Лейст?

Э. Ш.: Лейст, да, профессор Лейст.

В. Д.: Это наш, русский?

Э. Ш.: Он немец, русский немец, типичный немец, и говорил даже с очень сильным немецким акцентом, но был профессором Московского университета по метеорологии, геофизике, собственно. Он написал результаты своих... Каждое лето он на таратайке какой-то объезжал различные места Курской губернии и производил эти магнитные съемки, таким образом составил карту магнитной аномалии и соответственный текст, причем он утверждал, что она обусловлена именно залежами железа, которые там должны быть. Когда он эту монографию написал, он как раз сделал доклад на коллоквиуме у Лазарева уже, передал ему рукопись, но без карт. Рукопись эту Лазарев опубликовал.

В. Д.: За именем Лейста?

Э. Ш.: Лейста, само собой разумеется.

В. Д.: Я думал, что...

Э. Ш.: Нет-нет-нет, Лейста. Но карт не было. А дальше история пошла таким образом, что он эту рукопись отдал Лазареву, сам уехал лечиться в Германию и там умер, не возвращаясь. А карты все он, конечно, увез с собой.

В. Д.: И они остались в Германии?

Э. Ш.: Они остались в Германии. Появились какие-то люди, не знаю, наследники или случайные какие-то люди...

В. Д.: Лейста?

Э. Ш.: Лейста. Которые предложили советскому правительству купить эти карты за очень большую сумму.

В. Д.: Это в какие же годы? Уж в позднейшие, сталинские?

Э. Ш.: Нет, это при Ленине.

В. Д.: Вот когда КМА эта самая... Значит, в 21-м году, 22-м... В 23-м году это было.

Э. Ш.: Я вам могу это сказать очень точно. Сейчас. «Заинтересовать в курской руде германские промышленные круги. Во всяком случае...»

В. Д.: Это кто пишет?

Э. Ш.: Это я пишу. «Во всяком случае, составленная им карта аномалии попала в руки немцев, а они пытались продать ее Красину за какие-то миллионы золотых марок. Красин при случае спросил мнение на этот счет Лазарева. Последний энергично восстал против германских домогательств и предложил заново снять карту с затратой меньших средств. С этого начались труды грандиозной комиссии по исследованию Курской аномалии. Петр Петрович впервые поставил эту задачу непосредственно на службу практической геологии, вернее, геологической разведки».

В. Д.: В чем же неправильность его оценки, вы говорите?

Э. Ш.: Кого? А, вот почему. Потому что он сыграл, конечно, огромную роль в постановке этой проблемы, а затем были привлечены и другие. Там многие принимали участие. Между прочим, Шмидт Отто Юльевич принимал участие как математик. Потом появились и геологи, Архангельский и... Позвольте-ка, кому же приписывают?..

В. Д.: Ах, что его приоритет, так сказать, подвергался сомнению, в пользу Лейста?

Э. Ш.: Понимаете, о нем... Не о Лейсте... О нем мало говорят, а больше говорят о... (*Перерыв в записи*). Это вот геологу, практическому геологу, горному инженеру...

В. Д.: Фамилию которого вы не можете вспомнить.

Э. Ш.: Фамилию я не могу вспомнить, она очень известная, и как-то считается — о Лазареве между прочим говорят.

В. Д.: Ну, значит, мы как раз от ваших учебных дел, собственно, через область Лазарева вступаем в советскую эпоху.

Э. Ш.: Да.

В. Д.: И как раз у нас пленка кончается. На этом месте нам и хорошо поставить точку с запятой.